

Исторические и идеологические аспекты развития науки отечественного международного частного права после Второй мировой войны

Е. Л. Константинова

Общество с ограниченной ответственностью «Октобл»,
Российская Федерация, 141031, Московская обл., Мытищи, тер. ТПЗ Алтуфьево, МКАД 84 км,
влад. 3, стр. 3

Для цитирования: Константинова, Евгения Л. 2019. «Исторические и идеологические аспекты развития науки отечественного международного частного права после Второй мировой войны». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 84–98. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.106>

В статье речь идет об эволюционном развитии международного частного права после Второй мировой войны, а также о воздействии на него господствовавшей в то время в СССР марксистской идеологии. Определено значение международного частного права. Проанализировано влияние стран Западной Европы на формирование взглядов дореволюционных ученых, где в качестве основного принципа правовых учений выступала суперструктура как некая субстанция, включавшая в себя универсальные материально-правовые нормы и послужившая основой для разработки соответствующих нормативно-правовых источников. Отмечено влияние европейской правовой школы на взгляды отечественных правоведов. Выявлена потребность в нормах международного частного права в постреволюционный и послевоенный периоды. Экономические и политические изменения существенным образом повлияли на ограничение сферы действия частного права. Теория хозяйственного права, ключевая в советский период, послужила предпосылкой к унификации права на международном уровне. Выделены субъективный и объективный подходы к природе коллизий. Проанализирована классификация коллизий с разделением на внутренние и международные; первые озаменовали собой зарождение внутрифедерального коллизионного права, а вторые выражались в многосторонних договорах, нормы которых имели приоритет над национальными коллизионными нормами. Автор обращает внимание на то, что двусторонние соглашения представляли собой инструмент по сближению коллизионных норм в странах Восточной Европы. Несмотря на воздействие стран Западной Европы на формирование коллизионного права, в России была создана самостоятельная, отличная от капиталистической позиция социалистической системы, ориентированная на традиционное понимание международного частного права.

Ключевые слова: международное частное право, эволюционное развитие, влияние стран Западной Европы, дореволюционные ученые, постреволюционный период, Вторая мировая война, Российская Федерация, псевдоунификация, двусторонние соглашения, принцип взаимности.

1. Введение. Для того чтобы в полной мере оценить роль коллизионного права в России, рассмотрим его как часть и целое в процессе развития международного частного права (далее — МЧП). Говоря о становлении МЧП в России, стоит вспом-

нить о предшествовавших кодификационным работам периодах, повлиявших на состояние нормативных источников в этой области права. Сложно говорить об эволюции МЧП, не понимая его основы, имеющей существенное значение. В данной статье речь пойдет в первую очередь об исторических и идеологических аспектах, повлиявших на развитие МЧП в России после Второй мировой войны. Такой анализ дает представление о месте МЧП в нашей стране в настоящий период — период глобализации мировой экономики.

Основной принцип правового учения после Второй мировой войны в странах Восточной и Центральной Европы заключался в рассмотрении правовых норм в качестве суперструктуры, обеспечивавшей создание экономических и социальных условий в отдельном обществе. Этот принцип характеризовался, с одной стороны, заключением ряда двусторонних соглашений, регулировавших семейное и наследственное право, а также признание и приведение в исполнение решений иностранных судов (Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, Нью-Йорк, 10.06.1958¹), с другой — созданием суперструктуры универсальных материально-правовых норм (Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания, Вашингтон, 26.10.1973; Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений, Гаага, 05.10.1961; Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, Вена, 11.04.1980). В качестве заключительной стадии можно назвать кодификацию коллизионных норм (Закон Чехии от 04.12.1963 «О международном частном праве и процессе»²; Закон Польши от 12.11.1965 «О международном частном праве»³). Главным импульсом, послужившим кодификации коллизионных норм, стало стремление наладить отношения со странами Западной Европы.

2. Основное исследование. Экскурс в историю развития международного частного права: дореволюционный период. Для лучшего понимания теории, законодательства и практики в сфере МЧП в России после Второй мировой войны сделаем краткий обзор его развития до и после Октябрьской революции 1917 г. Как отмечал российский юрист-международник А. Н. Макаров, несмотря на значительные изменения в правовой системе в 1917 г., отечественные правоведы при формировании новой правовой системы зачастую опирались на идеи дореволюционных учений (Макаров 1926, 5). В далекие 1820-е гг. российские юристы придерживались взглядов основных европейских правовых школ, особенно в области МЧП (Grzybowski 1965). Это можно проследить на примере почти 70-летнего дореволюционного развития провозглашенных в названной сфере взглядов.

Так, в 1859 г. в лекциях по русскому гражданскому праву выдающийся цивилист и профессор Казанского университета Д. И. Мейер (Мейер 2012) ссылался на учения Ф. К. Савиньи по МЧП (Uschakow 1964, 17). В России первоначальная работа, касающаяся МЧП, была написана Н. П. Ивановым, преподававшим в том

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и действующие в России нормативные правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 30 октября, 2017. <http://www.consultant.ru>.

² Официальный сайт Высшей школы экономики. Дата обращения: 31 октября, 2018. <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041501>.

³ Там же. Дата обращения: 31 октября, 2018. <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041101>.

же Казанском университете (Иванов 1865). Основываясь на учениях О. Г. Вехтера и Ф. К. Савиньи, Н. П. Иванов полагал, что законодательная власть государства должна быть ограничена в пользу иностранных норм права. По его мнению, это будет способствовать взаимодействию между государствами. Принимая во внимание обязательство судьи по соблюдению национального законодательства, Н. П. Иванов критикует доктрину Ф. К. Савиньи по МЧП, указывая, что вопрос применения права в случае возникновения коллизий необходимо определить в самом законодательстве, а не выносить на усмотрение судьи.

Изначально советские юристы не уделяли большого внимания изучению коллизионных проблем. Многие исследователи рассматривали их как составную часть практического применения правовых норм. По данной причине вопрос коллизий не получил значительного развития в работах правоведов. Однако, несмотря на это, отдельные аспекты коллизионного права все же разрабатывались в юриспруденции той эпохи.

Многие ученые-юристы рассматривали пределы действия законов во времени, пространстве и по кругу лиц. Также изучалось соотношение действия юридических обычаев и законов, принципы и приемы толкования коллидирующих норм. Данная проблематика развита в работах Н. М. Коркунова (Коркунов 1894), В. М. Хвостова (Хвостов 1906), Г. Ф. Шершеневича (Шершеневич 1911), Н. В. Калачова (Калачов 1877).

Например, В. М. Хвостов в исследовании коллизионных вопросов занимался в основном вопросами действия законов во времени и пространстве. Изучая обратное действие юридических норм во времени, он писал, что новый законодательный акт не должен применяться к тем отношениям, которые уже сложились и вызвали правовые последствия на момент его появления. При этом В. М. Хвостов отмечал, что новое постановление не должно касаться так называемых приобретенных по ранее действовавшему закону прав (*juraquaesita*) (Хвостов 1906).

Значительный интерес представляет позиция Н. М. Коркунова. Анализируя действие законов во времени, пространстве и по кругу лиц, природу противоречий и несоответствий правовых предписаний, он указывал на то, что некоторые правовые акты, изданные в различные периоды, серьезно отличаются друг от друга по содержанию и зачастую имеют прямо противоположные положения, которыми в те или иные эпохи руководствовало государство (Коркунов 1883, 437).

Заметный прогресс в отношении развития МЧП в качестве самостоятельной дисциплины в российском праве был сделан профессором К. И. Малышевым из Санкт-Петербургского университета (Малышев 1878). Среди прочего его лекции по гражданскому праву содержат анализ не только всех классических коллизионных проблем, но и имевшейся на тот момент соответствующей литературы (Uschakow 1964, 17–18). Необходимо упомянуть и таких ученых, как Ф. Ф. Мартенс (Мартенс 2008), А. А. Пиленко (Пиленко 1911), П. Е. Казанский (Казанский 1901) и М. И. Брун (Брун 1915). Работы этих юристов характеризуются высоким профессионализмом, и их вклад в правовую доктрину стран Западной Европы не вызывает сомнений.

Советский этап формирования международного частного права. Постреволюционный период характеризуется возобновлением заинтересованности в МЧП. В дополнение к различным статьям, опубликованным в советских журналах, были написаны два больших трактата: «Основные начала международного частного пра-

ва» (Макаров 1924) и «Очерки международного частного права РСФСР» (Перетерский 1925).

В первые годы своего правления коммунистическая партия неблагосклонно относилась к развитию коллизионного права. Сфера действия частного права была значительно сужена, после того как регулирование всей коммерческой деятельности отдали под контроль государства и упразднили наследственное право. Таким образом, в компетенции частного права оставалось лишь брачное и семейное право. Кроме того, из-за Гражданской войны прекратилась международная торговля, в результате чего Россия была практически изолирована от иностранных государств. Соответственно, необходимость в правовых нормах частного права оставалась минимальной, о ней было забыто до тех пор, пока не возобновились международные отношения и изменения в экономической политике России не привели к возникновению ряда новых имущественных отношений.

Однако, несмотря на возрастающую потребность в коллизионных нормах, полноценная система так и не была разработана (Макаров 1926, 11–12). Большую роль в этом сыграло доминировавшее в постреволюционной юриспруденции ошибочное мнение о советском социалистическом праве как о качественно новом и совершенном, лишенном всяких недостатков и противоречий. Вместе с тем стоит отметить, что В. И. Ленин являлся противником подобной точки зрения. Он неоднократно указывал на слабости нового советского законодательства, отмечал его противоречивость и писал, что правительственные декреты издаются очень быстро и непродуманно, в связи с чем необходимо пересмотреть подход к законотворческой деятельности и заниматься ей максимально взвешенно с целью недопущения «излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации» (приводится по: Мордачев 1984, 108). Но взгляды В. И. Ленина не оказали серьезного влияния на дальнейшее развитие советской юриспруденции. Уверенность в совершенстве социалистического законодательства постепенно только увеличивалась. М. С. Строгович писал, что в это время господствовала ошибочная точка зрения, согласно которой коллизии существуют лишь в западном буржуазном праве, а в советском законодательстве противоречий нет либо они носят очень незначительный характер, в связи с чем действовавшие правовые нормы были сильно переоценены, а имевшиеся в них недостатки предпочитали не замечать (Строгович 1965, 8).

В рассматриваемый период правящая партия в стране придерживалась марксистской идеологии, поэтому право рассматривалось как «феномен производного суперструктурного характера, определенного на основании экономической базы данного общества» (Garnefsky 1968, 9). В результате не только гражданское право в целом, но и его отдельные сферы повлекли за собой формирование экономических и социальных отношений. Более того, марксисты рассматривали право как инструмент правящего класса в борьбе общества с низшими классами. Отвечая за государственный аппарат, правящий класс создает законодательный механизм в целях введения в действие и приведения в исполнение правовых норм для защиты их интересов. Становится понятно, что новое направление советской юридической мысли рассматривало МЧП через призму экономических и политических изменений. Этот основной подход повлиял на изменения и во внешнеторговых отношениях. Таким образом, юристы объясняли и обосновывали правовую позицию советских торговых организаций, статус Советского государства, а также экс-

территориальное действие декретов, регулировавших имущественные отношения, в том числе связанные с отечественными компаниями и советскими гражданами, находившимися за пределами страны. В частности, правоведа, специализировавшиеся на МЧП, обосновывали новые советские правила, которые значительно отличались от принятых стандартов международной торговли в отношении гарантии международного признания новых правовых норм. Стоит отметить деятельность международной ассоциации юристов-демократов (МАЮД), а именно конгрессы в Брюсселе (1956 г.) и в Риме (1957 г.), которые были посвящены исследованию конфискации и экспроприации (Seidl-Hohenveldern 1958, 555–571). На основании сказанного можно сделать вывод о том, что идеология правящей партии оказала существенное влияние на развитие МЧП в послевоенный период.

Первые труды советских ученых были концептуально понятны иностранным читателям. Однако все изменилось после того, как идеологическим лидером советских юристов стал заместитель И. В. Сталина А. Я. Вышинский. Начался новый период развития МЧП. Пытаясь доказать преимущества социалистической системы, вся школа советских ученых разрешила пропаганде доминировать над теорией сравнительного правоведения в работах по правовым проблемам советского общества. Как отмечал Г. И. Тункин в курсе лекций в Гаагской академии международного права (1975 г.) (Seidl-Hohenveldern 1975), от этой тенденции отказались впоследствии ученые, занимавшиеся международным правом, которые не рассматривали различия в принципах социального порядка в качестве препятствия для поиска соглашения по применимым нормам международного права. Г. И. Тункин описал новый подход следующим образом: «Международное право не является зеркальным отражением экономической структуры общества. Существующие экономические структуры влияют на международное право, но они не создают правил международного права. Они влияют на развитие международного права посредством воли государств» (Тункин 1980, 19).

Как видно, советские ученые оставались хорошо информированными о развитии МЧП в странах Западной Европы. В научных трудах по МЧП, написанных Л. А. Лунцем и другими советскими учеными в 1984 г., упомянуты А. Эрэнцвейг, Э. Рабель, Х. Вольф и Г. Батифоль. Более того, информированность подтверждает также тот факт, что труды таких ученых, как Х. Вольф (1948 г.), Л. Раапе (1959 г.), были переведены на русский язык (Лунц, Марышева и Садиков 1984, 16). Выстраивалась новая самостоятельная концепция, отличная от сравнительно-правовой и представлявшая собой результат социалистической системы.

В идеологическом оформлении советского МЧП существенную роль играл вопрос о характере его норм в юридической науке. Точка зрения И. С. Перетерского на эту проблему заняла видное место в советской юриспруденции. Она сводилась к тому, что МЧП по существу не является международным, поскольку в целом не регулирует отношения между государствами. Вместе с тем оно не является и частным, так как для советской юриспруденции все хозяйственные аспекты имеют публично-правовой характер, а ничего частного социалистическое законодательство не признает (Перетерский 1946, 22). Данное мнение разделяли многие советские правоведа, в том числе Л. А. Лунц (Лунц 1949, 12).

Несмотря на сильное влияние политики и идеологии на все сферы жизни, ученые, исследовавшие коллизионные нормы, находились под меньшим идеологиче-

ским давлением, чем их коллеги в других областях права. Безусловно, капиталистические и социалистические подходы периодически сравнивались. Однако было очевидно, что авторы скорее выполняли минимум возложенных на них со стороны государственных органов управления обязательств, чем формировали новую платформу для идеологических тезисов. Также стоит обратить внимание на позицию некоторых авторов в других социалистических странах, где ученые в большей степени подпадали под прямое влияние советской доктрины. Советское влияние на юридическую практику, доктрину и законодательство стран Центральной и Восточной Европы оставалось неизменным.

В соответствии с господствовавшей в то время в России марксистской идеологией правовые нормы, включавшие национальное право государства, характеризуются внутренним единством и большей или меньшей степенью координации. Марксистская теория единого хозяйственного права основывалась на том, что правовая система каждого конкретного государства является «образцом права, который необходим экономической системе изучаемого общества» (Tschchikvadze and Zivs 1975, 595). Впоследствии социалистическая правовая теория МЧП различалась в отдельных социалистических и капиталистических странах независимо от обсуждаемого вопроса. Неудивительно, что основная задача социалистических стран в их взаимоотношениях состояла в «консолидации и унификации правил МЧП посредством заключения договоров» (Szasz 1947, 60). Таким образом, теория единого хозяйственного права послужила предпосылкой к унификации права на международном уровне.

Концепция унификации права получила широкое развитие в странах социалистического лагеря после образования в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), отразившись, в частности, в работах восточногерманских правоведов, исходивших из положения о том, что все правовые институты, которые занимались регулированием процессов социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ, образуют единую систему права. Впервые эта мысль была сформулирована в 1965 г. М. Кемпером и Х. Виманном (Kemper und Wiemann 1965), а позднее развита в работах М. М. Богуславского (Богуславский 1970, 67).

В советском МЧП не существовало единого решения проблемы определения природы коллизий. Были отмечены лишь несколько вариантов подходов:

- 1) субъективный, согласно которому правовая коллизия является элементом сознания; его сторонником был Л. А. Лунц; по его мнению, о коллизиях законодательства стоит говорить только образно и лишь для обозначения процесса, который происходит в сознании судьи, решающего вопрос о правовых актах, подлежащих применению в каждом конкретном случае, когда речь идет об отношении с иностранным элементом (Лунц 1973, 21);
- 2) объективный; в соответствии с ним правовые коллизии возникают вне зависимости от любого участия субъекта; данную концепцию поддерживает Г. К. Дмитриева; с ее точки зрения, юридические коллизии представляют собой объективно возникающее явление, порождаемое двумя основными причинами: наличием иностранного элемента в гражданском правовом отношении и отличиями в содержании гражданского права различных стран, с которыми это правовое отношение может быть связано (Дмитриева 1993, 11).

Также на основе исследований в общей теории права и отраслевых областях советской юриспруденции формировались и другие подходы к проблеме определения природы коллизий. Н. Г. Александров (Александров 1958, 24), М. Д. Шаргородский (Шаргородский 1961, 413–414), В. Н. Кудрявцев (Кудрявцев 1972, 245) и С. С. Алексеев (Алексеев 1973, 137) рассматривали коллизию как отношение между государственно-властными предписаниями. Они считали, что данное отношение возникает в тех случаях, когда существуют несколько несогласованных между собой правовых норм, положения которых расходятся по своему содержанию, но в то же время должны регулировать одно и то же фактическое обстоятельство. Похожие взгляды на эту проблему высказывали И. Я. Козаченко и З. А. Николаева, полагавшие, что коллизия — это отношение, появляющееся между нормами различных отраслей (Козаченко и Николаева 1993). Аналогичное мнение высказывал А. М. Васильев: коллизия представляет собой несоответствие между содержанием общегосударственных законов СССР и правовых актов союзных республик (Васильев 1983, 257).

Таким образом, можно сформулировать общую для всех перечисленных специалистов точку зрения: проблема коллизий сводилась к описанию объективных фактов и признанию за правовыми нормами способности взаимодействовать между собой. Предполагалось, что отношения между законодательными актами возникают и развиваются объективно, вне зависимости от сознания и воли субъектов права.

По мнению Н. А. Власенко, законодательные акты следует именовать коллизионными лишь при условии, что ими предусматриваются различные друг от друга варианты урегулирования одинаковых проблем. Однако уровень коллизионности в каждом отдельно взятом вопросе, который Н. А. Власенко называл «внутренним напряжением», не всегда виделся ему однозначным (Власенко 1991, 22).

В советском коллизионном праве традиционно различались международные и внутренние коллизии. Они принадлежали к разным сферам права и рассматривались в разных областях правоповедения.

К внутренним коллизиям относились типичные правовые противоречия, возникающие в государстве с федеративным устройством, — расхождения между общесоюзным законодательством и законодательными актами союзных республик, имевших самостоятельное частное право — свои гражданские кодексы и кодексы о браке и семье. Для разрешения коллизий между законами республик в советском праве существовали специальные нормы, которые назывались межреспубликанскими коллизионными нормами. Хотя по своему характеру они были коллизионными, доктрина довольно единодушно считала, что они не входили в состав советского МЧП. Обосновывалось это тем, что межреспубликанские коллизионные нормы имели иной предмет регулирования — они регулировали частные отношения, которые существовали в пределах одного государства и, соответственно, не имели иностранного элемента.

На эту особенность советского законодательства прямо указывал в своих работах Л. А. Лунц, который писал, что советское право четко различает противоречия между советскими и иностранными законами и случаи отдельных расхождений между законами союзных республик. Законодательство СССР не применяло юридические нормы, установленные для выбора между законами отдельных союзных

республик к случаям правоотношений с иностранным элементом. Вопрос о том, в каких случаях суды одной из союзных республик должны применять законы другой союзной республики, по его мнению, не имеет ничего общего со сложностями применения иностранного законодательства или с проблемой признания прав, возникших при действии иностранных правовых норм (Лунц 1973, 78).

Расхождения в составе и содержании межреспубликанских и международных коллизионных норм оставались существенными. Это выразилось как в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (Положения ст. 18 о применении гражданского законодательства одной союзной республики в другой союзной республике и разд. VIII о правоспособности иностранных граждан и лиц без гражданства, применении гражданских законов иностранных государств и международных договоров) (Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»), так и в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. (Положения ст. 7 о законодательстве Союза ССР и союзных республик о браке и семье, применении законодательства союзных республик о браке и семье и разд. V о применении советского законодательства о браке и семье к иностранным гражданам и лицам без гражданства, применении законов о браке и семье иностранных государств и международных договоров) (Закон СССР от 27.06.1968 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о семье и браке»). Однако в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. содержание внутренних и международных коллизионных норм (ст. 8 разд. VII) было сближено (Закон СССР от 31.05.1991 «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик»). С прекращением существования СССР противоречия в законодательстве бывших союзных республик, которые стали независимыми государствами, приобрели международный характер и стали предметом рассмотрения МЧП.

До середины 1960-х гг. идея развития внутрифедерального коллизионного права в советской юридической литературе не выдвигалась. Первым советским автором, посвятившим отдельную работу внутренним коллизиям, стал А. А. Тилле, который пришел к выводу, что коллизии законов во внутреннем советском праве являются не только возможными, но и неизбежными. Выход из ситуации он видел в разработке четких правил правового регулирования межреспубликанских коллизий. Современное ему законодательство о внутренних коллизиях советских законов, по его мнению, нельзя было признать достаточным. А. А. Тилле также допускал возможность коллизий между юридическими актами в пределах одной союзной республики. Однако эта идея не получила развития в его исследовании (Тилле 1965).

В отношениях СССР с зарубежными социалистическими странами в области МЧП основную роль играли нормы международных соглашений, в частности договоры об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, консульские конвенции, соглашения о социальном обеспечении и др. В сфере экономического сотрудничества вопросы коллизионного права регулировались договорами о торговле и мореплавании, торговыми соглашениями, Соглашением о международном грузовом сообщении 1951 г. и др.

Кроме того, советское МЧП регулировалось многосторонними договорами с участием как социалистических, так и капиталистических государств (Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г., Гаагская конвенция о гражданском процессе 1954 г. и др.).

СССР не имел кодифицированного МЧП. Однако в некоторых социалистических странах Восточной Европы были приняты специальные законы, кодифицирующие коллизионные нормы. Одним из важнейших документов, регулировавших систему норм МЧП не только в СССР, но и в восточноевропейских странах социалистического блока, долгое время оставались Общие условия поставок СЭВ. Они интересны тем, что представляют собой документ универсального содержания, так как предметом их регламентации являются не только материальные, но и коллизионные нормы.

Разработка условий поставок товаров между странами — членами СЭВ началась сразу же после создания данной организации. Первоначально они имели вид двусторонних соглашений СССР с отдельными странами и назывались Общими унифицированными коммерческими условиями контрактов на взаимные поставки. Всего было заключено 28 таких соглашений.

Первые многосторонние Общие условия поставок были разработаны в 1958 г. и вступили в силу с 1 января 1958 г. Вторая редакция этого документа была принята в 1968 г., третья — в 1975 г., четвертая — в 1979 г. Данный акт стал своеобразным актом международной унификации, совмещающим в себе черты международного договора и акта наднационального законодательства. Общие условия поставок принимались к обязательному применению всеми странами-участницами на основе решения СЭВ как международной наднациональной организации ко всем договорам международной купли-продажи с участием сторон, находящихся в государствах — членах СЭВ. К тому же национальными нормативно-правовыми актами (в СССР — Основами гражданского законодательства) устанавливался принцип приоритета Общих условий СЭВ над нормами национального законодательства. Особенности применения Общих условий поставок в двусторонних отношениях определенных стран, если в них была необходимость, согласовывались и оформлялись двусторонними протоколами. Отступления от отдельных положений документа допускались только в случаях, прямо ими предусмотренных, причем такие отступления должны были обуславливаться спецификой товара.

Советские специалисты традиционно давали высокую позитивную оценку последствиям практического применения Общих условий поставок и отмечали важность договоров между СССР и социалистическими государствами — участниками СЭВ для развития советского коллизионного права. Л. А. Лунц подчеркивал, что «ряд институтов МЧП будут иметь существенное значение при дальнейшем совершенствовании правовых основ сотрудничества стран — членов СЭВ» (Лунц 1973, 34).

Как известно, в сфере МЧП нормы международных договоров и соглашений, участником которых является государство, имеют приоритет над национальными коллизионными нормами. Соотношению норм международного и национального права уделялось большое внимание на страницах правовых учений социалистических стран (Tschchikvadze and Zivs 1975). Ученые основывались на провозглашен-

ных принципах социалистического права, которое, как правило, определяло положение МЧП в рамках всего правового механизма и рассматривало коллизионные нормы и кодексы как инструменты регулирования зарубежной политики социалистического государства.

В отечественной литературе часто встречается мысль о том, что решения западных судов отличаются от общепринятых норм МЧП и от предыдущих решений, в которых учитывались интересы социалистических государств и организаций. Это, очевидно, влияет на социалистическую теорию об источниках МЧП. Некоторые авторы ставили национальное коллизионное законодательство на один уровень с международными договорами (Лунц, Марышева и Садиков 1984, 17).

Как видно, двусторонние соглашения далеко не случайно стали инструментом по сближению коллизионных норм в странах Восточной Европы. В соответствии с выдвигавшейся в то время идеей о том, что отношения между суверенными государствами должны регулироваться взаимными соглашениями, социалистические страны Восточной Европы заключали двусторонние соглашения о дружбе и взаимопомощи. В советской доктрине МЧП суверенитет государств рассматривался как «единственная базовая основа для взаимодействия между государствами, а сам международный договор или соглашение — как основной источник права наряду с законодательством» (Szasz 1947, 31).

В практических целях венгерский академик И. Саси утверждал: заключение двусторонних соглашений по правовой помощи между социалистическими государствами означает, что большое количество коллизионных норм уже унифицировано (Szasz 1947, 61). Почти полная изоляция России от внешнего мира после Октябрьской революции 1917 г. заставила руководство страны задуматься о значимости налаживания деловых связей с капиталистическими странами и выдвижения страны на равную с ними ступень как на деловом, так и на политическом уровне. Согласно мнению советских авторов, целью заключения таких договоров была не только унификация. Договоры между социалистическими странами в сфере МЧП означали и создание соглашений о дружбе и взаимодействии, взаимопомощи и укреплении принципа социалистической интернационализации (Лунц, Марышева и Садиков 1984, 31). Это также соответствовало доктрине принципа взаимности и тождественности экономических интересов между государствами. Одной из главных целей социалистической зарубежной политики было стремление достичь правового равенства для своих институтов в мировом сообществе; в особенности речь шла о признании двух форм собственности: социалистической и капиталистической. Как отмечал И. Саси, именно из этой идеи «принцип взаимности берет свое начало» (Szasz 1947, 80). В отношении взаимности он говорил: «Взаимность выражается в признании правового значения иностранных норм права и их взаимного применения. Такая взаимность должна не только иметь место в экономических отношениях между государствами, но и выражаться в признании прав иностранцев в отношении их личных прав и прав на имущество на территории рассматриваемого государства» (Szasz 1947, 90). Взаимность может быть наилучшим образом достигнута посредством заключения двусторонних и многосторонних договоров. Однако того, что было достигнуто среди социалистических стран как результат идеологических и политических связей, сложнее достичь с западными странами. Очевидно, что конвенции по унификации материально-правовых

норм (например, Венская конвенция о международных договорах купли-продажи товаров, заключенная в 1980 г.) были больше востребованы социалистическими политиками, чем конвенции по унификации коллизионных норм права. Учитывая, что многие социалистические страны уже имели довоенный опыт развития национального коллизионного права, они начали разрабатывать национальное законодательство.

Возвращаясь к кодификации коллизионных норм на национальном уровне, следует заметить, что в СССР до 1964 г. и некоторых других социалистических странах какая-либо кодификация коллизионных норм отсутствовала. В 1980-е гг. в советской литературе отмечался патологический страх дискриминации на всемирном политическом и экономическом уровне среди конкурентов. Таким образом, неудивительно, что основная цель всех кодификационных актов по международному праву стран Восточной Европы заключалась в обеспечении «определенности, предсказуемости и единства исхода дела» (Overbeck 1972, 57).

В гаагских лекциях «Кризис коллизионного права» Г.Кегель делает вывод о том, что, несмотря на критику, МЧП остается непоколебимым: «Преобладающее мнение, которое ориентировано на традиционную систему коллизионного права, находится посередине мишени» (Kegel 1961, 263). Заключение Г.Кегеля может оказаться характерным для эволюционного развития законодательства стран Восточной Европы. «Они хотели быть в центре мишени в пальто, которое, может быть, и выглядит немного старомодно, но все еще хорошо защищает. Опыт показал им, что только предсказуемость защитит их на открытой арене международных отношений. Стремясь быть принятыми на равных, они не оставляли себе шанса на эксперименты. Вследствие этого модернизация их законов зависела от стандартов времени, в течение которого они создавались» (Kegel 1961, 263).

3. Выводы. Как ни парадоксально, но влияние идеологии, господствовавшей в СССР в послевоенный период, на развитие сформировавшегося коллизионного права не было столь значительным. Если еще в постреволюционное время страны Западной Европы воздействовали на формирование коллизионного права в социалистической России, то уже в послевоенный период начала формироваться самостоятельная, отличная от капиталистической позиция социалистической системы. Политико-исторические события того времени зиждидились на марксистской идеологии, согласно которой право являлось основой для создания экономических отношений в стране. Советские ученые, занимавшиеся кодификацией коллизионного права, были хорошо информированы о взглядах западных коллег. Однако в силу царившей в стране советской доктрины они были вынуждены формировать на международной арене иную позицию. Отметим: это было не формированием новой точки зрения, а скорее, выполнением возложенных на них сверхобязательств. После длительной изоляции и завершения военных действий Россия все больше стремилась сначала в целях взаимопомощи, а позднее в целях налаживания торговых партнерских отношений поставить взаимодействие с другими государствами на правовую основу. Ввиду особенностей правовых систем взаимодействующих государств была необходима унификация права на международном уровне, причем не только его материально-правовых, но и коллизионных норм. В связи с этим заключение двусторонних соглашений представлялось наиболее логичным. Отмечалось верховенство международных соглашений над национальным законо-

дательством. Однако оно все же не было унифицировано ввиду биполярных систем внутри одной системы МЧП. СССР, не желая быть дискриминированным, стремился представить себя в отношениях со странами Западной Европы в виде равноправного партнера на международной арене. Не имея шанса на ошибку, Советская Россия придерживалась тех консервативных норм коллизионного права, которые уже были сформулированы ранее. Развития коллизионного права не происходило ввиду того, что СССР был еще в самом начале построения партнерских отношений с другими государствами. Несмотря на то что цель создания коллизионных норм того времени была идеологическая, они были свободны от любой идеологии.

Библиография

- Александров, Николай Г. 1958. *Применение норм советского социалистического права*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Алексеев, Сергей С. 1973. *Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. Т.2*. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та.
- Брун, Михаил И. 1915. *Введение в международное частное право*. Петроград.
- Богуславский, Михаил М. 1970. *Правовое регулирование международных хозяйственных отношений*. М.: Наука.
- Васильев, Александр М. (ред.). 1983. *Теория государства и права*. М.: Юридическая литература.
- Власенко, Николай А. 1991. «Логико-структурные дефекты системы советского права». *Известия вузов. Правоведение* 3: 21–26.
- Дмитриева, Галина К. 1993. *Международное частное право*. М.: Юрист.
- Иванов, Николай П. 1865. *Основания частной международной юрисдикции*. Казань.
- Казанский, Петр Е. 1901. *Введение в курс международного права*. Одесса: Экон.
- Калачов, Николай А. 1877. *Об отношении юридических обычаев к законодательству*. СПб.: Тип. В. Киршбаума.
- Козаченко, Иван Я., Николаева, Зоя А. 1993. «Коллизии уголовного права и процесса». *Государство и право* 2: 85–89.
- Коркунов, Николай М. 1894. *Указ и закон*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Коркунов, Николай М. 1883. *Энциклопедия права*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Кудрявцев, Владимир Н. 1972. *Общая теория квалификации преступлений*. М.: Юридическая литература.
- Лунц, Лазарь А. 1949. *Международное частное право: учебник*. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР.
- Лунц, Лазарь А. 1973. *Курс международного частного права: в 3 т. Т.1*. М.: Юрид. лит-ра.
- Лунц, Лазарь А., Марышева, Наталья И., Садиков, Олег Н. 1984. *Международное частное право*. М. Юрид. лит.
- Макаров, Александр Н. 1924. *Основные начала международного частного права*. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР.
- Малышев, Константин. 1878. *Курс общего гражданского права России: в 2 т. Т.1*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Мартенс, Федор Ф. 2008. *Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т.2*. М.: Зерцало.
- Мейер, Дмитрий И. 2012. *Русское гражданское право*. М.: Книга по требованию.
- Мордачев, Владимир Д. 1984. *Нормы советского трудового права*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.
- Перетерский, Иван С. 1925. *Очерки международного частного права РСФСР*. М.: Госиздат.
- Перетерский, Иван С. 1946. «Система международного частного права». *Советское государство и право* 8–9: 17–30.
- Пиленко, Александр А. 1911. *Очерки по систематике частного международного права*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

- Строгович, Михаил С. 1965. «Методологические вопросы юридической науки». *Вопросы философии* 12: 3–14.
- Тилле, Анатолий А. 1965. *Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве*. М.: Юридическая литература.
- Тункин, Григорий И. 1980. «Международное право в международной системе». *Советский ежегодник международного права* 1979. М.: Наука.
- Хвостов, Вениамин М. 1906. *Общая теория права. Элементарный очерк профессора Московского университета В. М. Хвостова*. М.: Тип. Вильде.
- Шаргородский, Михаил Д. 1961. *Общая теория государства и права*. Под ред. Д. А. Керимова. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Шершеневич, Габриэль Ф. 1911. *Общая теория права*. М.: Изд-во бр. Башмаковых.
- Garnefsky, A. 1968. *Public Policy in Soviet Private International Law*. Groningen.
- Grzybowski, K. 1965. *Soviet Private International Law*. Leiden.
- Kegel, G. 1961. *The Crisis of Conflict of Laws, Recueil des cours. Vol. II*. Leiden.
- Kemper M., Wiemann H. 1965. “Die charakteristischen Merkmale der Aussenhandelslieferverträge im Bereich des RGW”. *Staat und Recht* 2: 207–210.
- Makarov, Aleksandr N. 1926. *Das russische Zwischenprivatrecht (Internationales Privatrecht)*. Berlin; Breslau.
- Overbeck, von Alfred. E. 1972. “Persons”. *Kurt Lipstein (Hrsg.): International encyclopedia of comparative law. Band 3: Private international law*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Seidl-Hohenveldern, Ignaz. 1958. “Communist Theories on Confiscation and Expropriation. Critical Comments”. *American Journal of Comparative Law* 7: 541–571.
- Seidl-Hohenveldern, Ignaz. 1975. *International Law in the International System by Grigory Tunkin*. Netherlands: Sijthoff & Noordhoff.
- Szaszy, Istvan. 1947. *Conflict of Laws in the Western, Socialist and Developing countries*. Leiden: Sijthoff.
- Tschchikvadze, V. M., Zivs, S. L. 1975. “The System of Socialist law”. *International Encyclopedia of Comparative Law* II (2): 591–600.
- Uschakow, A. 1964. *Das Sowjetische Internationale Privatrecht 1917 bis 1962*. Köln.

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2018 г.,
рекомендована в печать 15 ноября 2018 г.

Контактная информация:

Константинова Евгения Львовна — lexpraktik@gmail.com

Historical and ideological aspects of the development of the domestic international private law after World War II

E. L. Konstantinova

Limited liability company “Octobluе”,

3/3, MKAD 84 km, TPZ Altufеvo, Mytischі, Moscow region, 141031, Russian Federation

For citation: Konstantinova, Evgeniya L. 2019. “Historical and ideological aspects of the development of the domestic international private law after World War II”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 84–98. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.106> (In Russian)

In this article, it is referred to the evolutionary development of the international private law after the World War II as well as to the influence on it by the Marxist ideology prevailing in Russia in this period. It is defined the role of the conflict of law whereby the superstructure was considered to be as the main principle of the legal doctrines including the common substantive rules and was used as a basis for the development of the legal and regulatory sources. It is noted the influence of european law school on the opinions of the national legal experts. It is founded out the necessity of the international private law in Russia in the post-revolutionary

and post-war period. The economic and political changes have influenced the restriction of the scope of private law essentially. The theory of the commercial law which was considered to be as a key one in the soviet period gave rise to the unification of the law at the international level. It is emphasized the subjective and objective approaches to the nature of the conflict of law. It is analyzed the classification of the conflict of law with its division on the local and international one whereby the first one gave rise to the federal conflict of law and another one to the prevailing multilateral agreements. As a result, the author points out that the bilateral agreements were considered to be as an instrument of the rules of conflict of law in the Eastern Europe countries. Notwithstanding of the influence of the Western Europe countries on the development of the conflict of law in Russia was created the separate opinion of the socialist system differing from the capitalist one which was aimed to the traditional conception of the international private law.

Keywords: international private law, evolutionary development, influence of Western European countries, pre-revolutionary scholars, post-revolutionary period, World War II, Russian Federation, pseudo-unification, bilateral agreements, reciprocity principle.

References

- Aleksandrov, Nikolai G. 1958. *Primenenie norm sovetskogo sozialistscheskogo prava* [Application of the soviet socialist law]. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian)
- Alekseev, Sergei S. 1973. *Problemi teorii prava: kurs lektsii* [Problems of the theory of law: series of lectures] in 2 parts. Part 2. Sverdlovsk: Sverdlovsk law university Publ. (In Russian)
- Brun, Mikhail I. 1915. *Vvedenie v mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Introduction of the international private law]. Petrograd. (In Russian)
- Boguslavskii, Mikhail M. 1970. *Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh khoziaistvennykh otnoshenii* [Legal regulation of international economic relations]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Dmitrieva, Galina K. 1993. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law]. Moscow: Iurist Publ.
- Garnefsky, A. 1968. *Public Policy in Soviet Private International Law*. Groningen.
- Grzybowski, K. 1965. *Soviet Private International Law*. Leiden.
- Ivanov, Nikolai P. 1865. *Osnovaniia chastnoi mezhdunarodnoi iurisdiksii* [Grounds for private international jurisdiction]. Kazan. (In Russian)
- Kalachov, Nikolai A. 1877. *Ob otnoshenii iuridicheskikh obychaev k zakonodatel'stvu* [About the relation of legal customs to the legislation]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma Publ. (In Russian)
- Kazanskii, Petr E. 1901. *Vvedenie v kurs mezhdunarodnogo prava* [Introduction to international law]. Odessa: Ekon Publ. (In Russian)
- Kegel, G. 1961. *The Crisis of Conflict of Laws, Recueil des cours. Vol. II*. Leiden.
- Kemper M., Wiemann H. 1965. "Die charakteristischen Merkmale der Aussenhandelslieferverträge im Bereich des RGW". *Staat und Recht* 2: 207–210.
- Khvostov, Veniamin M. 1906. *Obshchaia teoriia prava. Elementarnyi ocherk professora Moskovskogo universiteta V. M. Khvostova* [General theory of law. Elementary essay by Professor of Moscow University V. M. Khvostov]. Moscow: Tip. Vil'de Publ. (In Russian)
- Korkunov, Nikolai M. 1883. *Entsiklopediia prava* [Encyclopedia is right]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Korkunov, Nikolai M. 1894. *Ukaz i zakon* [The decree and the law]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Kozachenko, Ivan Ia., Nikolaeva, Zoia A. 1993. "Kollizii ugolovnogo prava i protsessa" ["Conflicts of criminal law and procedure"]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law] 2: 85–89. (In Russian)
- Kudryavzev, Vladimir N. 1972. *Obschaya teoriia kvalifikatsii prestuplenij* [General theory of the qualification of the crime]. Moscow: Iurid. lit-ra Publ. (In Russian)
- Lunts, Lazar' A. 1949. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik* [Private international law: textbook]. Moscow: Iurid. izd-vo Mfu SSSR Publ. (In Russian)

- Lunts, Lazar' A. 1973. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t. T. 1* [Course of private international law. In 3 parts. Part 1]. Moscow: Iurid. lit-ra Publ. (In Russian)
- Lunts, Lazar' A., Marysheva, Natal'ia I., Sadikov, Oleg N. 1984. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik*. [Private international law: textbook]. Moscow: Iurid. Lit. Publ. (In Russian)
- Makarov, Aleksandr N. 1924. *Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Basic principles of private international law]. Moscow: Iurid. izd-vo NKIU RSFSR Publ. (In Russian)
- Makarov, Aleksandr N. 1926. *Das russische Zwischenprivatrecht (Internationales Privatrecht)*. Berlin; Breslau.
- Malyshch, Konstantin. 1878. *Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii: v 2 t. T. 1* [The course of General civil law in Russia: in 2 parts. Part 1]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Martens, Fedor F. 2008. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t. T. 2* [Modern international law of civilized Nations: in 2 parts. Part 2]. Moscow: Zertsalo Publ. (In Russian)
- Meier, Dmitrii I. 2012. *Russkoe grazhdanskoe parvo* [Russian civil law]. Moscow: Kniga po trebovaniu Publ. (In Russian)
- Mordachev, Vladimir D. 1984. *Normy sovetskogo trudovogo prava* [Norms of Soviet labor law]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta Publ. (In Russian)
- Overbeck, von Alfred. E. 1972. "Persons". Kurt Lipstein (Hrsg.). *International encyclopedia of comparative law. Band 3: Private international law*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Pereterskii, Ivan S. 1925. *Ocherki mezhdunarodnogo chastnogo prava RSFSR* [Essays on private international law of the RSFSR]. Moscow: Gosizdat Publ. (In Russian)
- Pereterskii, Ivan S. 1946. "Sistema mezhdunarodnogo chastnogo prava" ["The system of private international law"]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law] 8–9: 17–30. (In Russian)
- Pilenko, Aleksandr A. 1911. *Ocherki po sistematike chastnogo mezhdunarodnogo prava* [Essays on the systematics of private international law]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Schargarodskij, Mikhail D. 1961. *Obschaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of law and state]. Ed. by D. A. Kerimov. Leningrad: Leningrad University Publ. (In Russian)
- Seidl-Hohenveldern, Ignaz. 1958. "Communist Theories on Confiscation and Expropriation. Critical Comments". *American Journal of Comparative Law* 7: 541–571.
- Seidl-Hohenveldern, Ignaz. 1975. *International Law in the International System by Grigory Tunkin*. Netherlands: Sijthoff & Noordhoff.
- Shershenevich, Gabriel' F. 1911. *Obshchaia teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izd. br. Bashmakovykh Publ. (In Russian)
- Strogovitsch, Mikhail S. 1965. "Metodologicheskie voprosi uriditscheskoi nauki" ["Methodological questions of science of law"]. *Voprosi filosofii* [Philosophy's questions] 12: 3–14. (In Russian)
- Szaszy, Istvan. 1947. *Conflict of Laws in the Western, Socialist and Developing countries*. Leiden: Sijthoff.
- Tille, Anatolij A. 1965. *Vremya, prostranstvo, zakon. Deistvie sovetskogo zakona vo vremeni i prostranstve* [Duration, territory, law. Temporal and territorial application of soviet law]. Moscow: Iuriditscheskaya literatura. (In Russian)
- Tschchikvadze, V. M., Zivs S. L. 1975. "The System of Socialist law". *International Encyclopedia of Comparative Law* II (2): 591–600.
- Tunkin, Grigorii I. 1980. "Mezhdunarodnoe pravo v mezhdunarodnoi sisteme" ["International law in the international system"]. *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1979* [Soviet Annual of International Law, 1979]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Uschakow, A. 1964. *Das Sowjetische Internationale Privatrecht 1917 bis 1962*. Köln.
- Vasiljev, Aleksandr M. (ред.) 1983. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Iuriditscheskaya literatura Publ. (In Russian)
- Vlasenko, Nikolai A. 1991. "Logiko-strukturnye defekty sistemy sovetskogo prava" ["Logical and structural defects of the Soviet legal system"]. *Pravovedenie* 3: 21–26. (In Russian)

Received: April 18, 2018

Accepted: November 15, 2018

Author's information:

Evgeniya L. Konstantinova — lexpraktik@gmail.com